

Иннокентий Соколов

Истинное предназначение.

(История, рассказанная отрезком водопроводной трубы)

Как часто неясен путь и так же неясен смысл всего, что окружает тебя. Ты пытаешься найти дорогу вперед, стараешься пробиться сквозь мутный слой суетных мелочей, которые только сбивают с толку, не дают понять главное - рано или поздно тебе придется отгородиться от всего, что мешает, раскрыть свое сердце, чтобы узнать, наконец, что толкает тебя вперед, направляет тебя, определяет все твои мысли и поступки.

Я простой отрезок водопроводной трубы. Во мне чуть больше двух футов длины, если обхватить меня рукой, я удобно лягу в ладонь, поскольку совсем не толст, и по-своему изящен.

Несколько слоев краски только подчеркивают мое совершенство. Я могу утверждать это, поскольку достиг вершины, узнал свое предназначение...

1.

Я не помню момент своего рождения. В памяти осели какие-то обрывки - что-то невероятно горячее, меня куда-то тянут, потом освещенное помещение с неровной кирпичной кладкой, в котором новорожденные водопроводные трубы, ожидали своей участи, отлеживая бока, понемногу приходя в себя, впитывая новые ощущения.

Тогда я еще был просто трубой - тупой кусок железа, годный разве что быть ржавым водопроводом в каком-нибудь захолустье, обеспечивая водой какую-нибудь хибару. По правде, говоря, эти мысли мало занимали меня в первые минуты жизни. Нас было много в неуютном, холодном помещении склада. Мы лежали вдоль стены, грудой железа, тихие ночи сменялись шумными днями. Приезжали машины, увозя подобных мне, на место ушедших время от времени подвозили новые партии труб.

Наконец наступила и моя очередь. Руки в промасленных рукавицах схватили меня, чтобы погрузить в кузов грузовика. Поездка была сущим наказанием - всю дорогу машина подскакивала на ухабах, и каждая яма отдавалась болью и неприятным звоном в моем теле.

Водопровод уже почти был готов - как оказалось, не хватало небольшого отрезка трубы, чтобы завершить его. Если поездка в машине показалась мне пусть неприятным, но все же терпимым испытанием, то следующие несколько минут оказались адом!

Темный диск пилы, вращаясь с немыслимой скоростью, впился в мое тело. Я кричал, боль вырывалась из меня огненными искрами, рассыпающимися в стороны.

Я кричал, не в силах терпеть эту нескончаемую муку. Пила разрешила мое тело, рассекала рассудок на две неполноценные половинки. Еще немного и от меня осталось бы два совершенно сумасшедших куска железа, и я уже видел дальнейшую судьбу каждого из них - медленное прозябание, затем старость в пятнах ржавчины, и высыпавшихся хлопьях накипи. И еще я понял, что не такой как все, уже тогда я чувствовал, что способен на большее. Тогда еще я не слышал голоса, просто где-то глубоко во мне, шевельнулся росток сомнения, и в этот миг я сделал первый шаг в новую жизнь.

Я закричал, собирая силы, из последних сил, пытаюсь удержать разбегающееся сознание, пытаюсь подчинить стальной воле, ускользающий разум.

(Боже, как больно!!!)

Собирал мысли, отсекал чувства, плавил судьбу в раскаленной печи стальной надежды. Мне было больно. Вначале...

Я отказался от боли, и протянул мысли вдоль тела, забирая ускользящие ощущения, не давая разделить своей сущности.

И темнота взорвалась новой болью. И когда отрезок трубы упал, и покатился по полу, в нем осталось все то, что являлось мной.

И еще я услышал крик - и этот крик был не мой. Кричал человек, который разрезал меня, беспощадной рукой, направляя пилу.

Безумный, безжалостный диск, разлетелся сотней взбесившихся осколков, несущих смерть. Человек перестал кричать и заскулил, протягивая окровавленные руки. Я наблюдал, как он медленно валится на пол. Густая лужица протекла из подрагивающего тела, приближаясь ко мне. Я ощутил, восхитительное тепло некогда живой плоти. Я смаковал этот вкус, оставил в памяти его мягкость, чтобы время от времени доставать его на божий свет, и заново переживать прекрасные минуты счастья. В нем была сила, и она стала моей, нашла местечко в моей душе. Этот миг стал моим вторым рождением - то неясное предчувствие чего-то большого вспыхнуло во мне, чтобы наполнить жизнью, даровать спасение.

Другой кусок трубы стал мертвым железом - я видел, как он медленно чернеет, покрываясь пленкой окиси, что стало с ним, я так и не узнал.

Следующие два десятка лет, я был гребаным водопроводом, в старом покосившемся домишке на самой окраине Бангора¹. На время мне пришлось слиться с остальными трубами, занять свое место среди них.

Я послушно гудел, пропуская воду, и слышал, как трубы тихонько шепчут, рассказывая о своих несбывшихся мечтах. Их бормотание складывалось в неторопливый говор существа, объединившего все их ополовиненные души в одну. Несчастные, обезличенные беспощадной пилой, соединенные в единую, адскую, замкнутую систему - они пытались найти свое место, вспомнить кто они такие...

Мне было тяжело сохранить свою индивидуальность, не раствориться в этом болоте грез. Каждый раз, когда я был уже почти готов броситься в этот сладкий омут тупого самосозерцания, я вспоминал о том, что создан для другого, вспоминал боль, которая позволила мне остаться самим собой, вспоминал вкус и тепло густой лужицы, которая влила в меня свою силу.

Два десятка лет...

Два десятка маленьких вечностей, два десятка мук для маленького, стареющего отрезка водопроводной трубы.

Несколько раз кисть касалась меня, чтобы в очередной раз покрыть неровным слоем дешевой краски. В этом доме хозяева менялись часто, они уходили куда-то, оставаясь во мне лишь смутными тенями сожаления. Я провожал их тревожным гудением, словно теряя что-то вместе с ними.

Потом появился он - неприятный субъект, с намечающейся лысиной а-ля Брюс Уиллис конца девяностых (во всяком случае, так он думал о самом себе), пивным животиком и скверным характером. Его звали Риччи Стич.

Новый хозяин не понравился мне с первого взгляда - еще тогда, когда пришел в ванную и долго мочился в унитаз, словно специально не попадая, пьяно пошатываясь на месте (эй ребята, похоже мой прицел сбился немного), разбрызгивая мочу по стенам, оставляя омерзительно теплые капли на трубах.

Каждый раз, когда я видел его, мне хотелось кричать, так громко, как только можно. Мои чувства передавались остальным трубам, и тогда весь водопровод (частичкой которого был и я) начинал тихонько гудеть, выражая свое презрение этому олуху, неспособному справиться с собственным членом.

Несколько раз, хозяин бил по мне молотком, пытаясь сорвать свое раздражение плохим напором воды, на бедном куске металла, который не был ни в чем виноват.

Каждый удар эхом отдавался по тупеющим трубам, заставляя вздрагивать их, я буквально ощущал, как их мысли взвивались маленькими сполохами недоумения.

Если бы у меня были зубы, я наверно скрипел бы ими.

Но я терпел. Терпел и ждал.

Я знал, что ничто не вечно, и мое время настанет.

Ночь сменится днем, и звезды уйдут с небосклона, растворяясь в беспощадном свете наступающего утра.

Хозяин...

Я ненавидел его - это маленькое волосатое существо, в тапочках и рваной майке с разводами от кетчупа и крошками хлеба, прилипшими к немытому потному телу.

Риччи приходил каждое утро в ванную и стоял некоторое время, шурясь в неровном свете покрытой пылью и паутиной, лампочки, которая одиноко болталась на потолке, затем привычным жестом чесал в паху и ожесточенно выкручивал до упора вентиль, ожидая, когда польется тонкая струйка пропахшей ржавчиной воды. Иногда, он с силой бил по трубам, словно действительно верил, что произойдет чудо, и вода зашипит, вырываясь из крана невыносимым напором.

Как ни странно, моя ненависть к нему слегка разбавлялась некоторым пониманием. Между нами словно установился невидимый контакт - какая-то ниточка связывала неопрятного сукиного сына и покрытый краской кусок водопровода.

Иногда я ощущал легкие импульсы, которые проходили по моему телу, всякий раз, когда он в потемках шарил по стене, пытаясь найти выключатель. Думаю, он тоже чувствовал что-то такое, легкие касания чуждого ему разума, непонятного, ограниченного диаметром стальной трубы.

Он набирал полную ванну, и плюхался в воду, отмокая, прихлебывая время от времени из бутылки какое-то дешевое пойло. При этом он ловил местную радиостанцию VZON², в маленьком приемнике, который ставил на краешек ванны, чтобы в который раз слушать голоса спортивных комментаторов, захлебывающихся от восторга, описывающих ход очередной чертовой игры.

Я ненавидел эти голоса так же, как ненавидел хозяина дома.

Со временем наша связь упрочнилась, иногда я даже мог предугадать его настроение, еще до того, как он недовольно ворча, заползал в ванную, чтобы умыться или почистить пожелтевшие от кофе и никотина зубы.

Я шептал ему о том, что ненавижу его. Ненавижу эту чертову ухмылку, которой неудачники прикрывают все свои промахи, пытаясь скрыть свои истинные чувства. Ненавижу его рваные трусы и грязную майку, по которой можно рассказать целую историю о том, что он ел в течение месяца. Я шептал, и он заморожено слушал, делая вид, что увлечен новостями с поля, где «Ред Сокс»³ упустил возможность переиграть «Окленд Атлетикс» (в девятом иннинге⁴ питчер⁵ Бостона Эмбри пропустил хит⁶, и Бирнес, улыбаясь во все тридцать четыре зуба, добежал до «дома»⁷), после чего итогом самой длинной игры в плей-офф для Окленда стала блестящая победа.

Я был терпелив. Я делал все возможное для того, чтобы наша связь стала, как можно прочней, ловил все его мысли, собирал настроения, подстраивался под этого ублюдка, пытаюсь всячески ему угодить. Одновременно с этим я прилагал все усилия, чтобы заставить гребаные трубы слушать меня. Я старался расшевелить мутное болото этих неудачников, рассказывал им о том, как прекрасно объединить наши усилия во имя великой цели, которая бы направляла, указывала единственно правильный путь.

Поначалу эти тупые создания отказывались понимать всю важность моих попыток. Самовлюбленное бормотание сменялось недоумением и даже обидой, но затем мало помалу я заставил их слушать себя. Простой отрезок трубы вобрал в себя все эти жалкие души, я принял, соединился с ними в одно...

Я долго ждал своего времени, и время пришло.

В один погожий сентябрьский денек Риччи, как обычно открыл воду, чтобы набрать ванну. Он включил газовую колонку, и воткнул в розетку штепсель радиоприемника. Стич присел на краешек ванны, и пока набиралась вода, пытался поймать нужную станцию. Настроившись на спортивный обзор (встречались «Нью-Йорк Янкис» и «Бостон Ред Сокс» - последним предрекали победу над «Бомбардирами из Бронкса»⁸, поскольку команда из Бостона чертовски удачно стартовала в регулярном чемпионате), он поставил орущий приемник на краешек ванны, и наклонился, пробуя температуру воды. Его волосатый живот выглядывал из-под майки, это было отвратительно.

Уже тогда я понял, что убью его. За этот живот, за эти отвратительные волосатые складки, за грязную майку и кривые ноги, за гнилые зубы и припадки ярости, во время которых он молотком выбивал из меня непокорность - раз за разом, удар за ударом.

Что ж, хозяин - пришло время раскинуть картишки, чтобы найти ответ.

(И ответ будет один - я убью тебя, придурок...)

Делая вид, что не слышит, он плюхнулся в ванну, оставив на треснутом кафеле лужу воды, вытесненной его неуклюжей тушей. Он наклонил голову, вслушиваясь в бормотание приемника, из которого вещал Билл King⁹, комментируя предстоящую игру:

- Команды вышли на поле. Болельщики с нетерпением ожидают начала игры.

Сегодняшний матч войдет в историю. После того, как в первом круге плей-офф, «Янкис» выиграли серию у «Миннесота Твинс», они выходят в финал Американской лиги. Сегодня на «Янкис Стэдиум» собрались пятьдесят шесть тысяч болельщиков, хозяева поля встречают гостей из Бостона...

Я уговаривал его, тихонько нашептывал так, чтобы он слышал. Не ушами, о нет! Сердцем, своим трусливым сердцем, своим неуклюжим потливым телом, своей пустой башкой.

- Пора сделать то, что должен...

Я шептал, и он трепетал, слушая меня, зная, что должно произойти. Голос комментатора в приемнике пропитался тревогой, словно его обладатель знал, чем закончится Игра.

(И время застынет навеки, провожая тебя, главное не бояться сделать первый шаг...)

- Трудно оценивать шансы команд, но в последнее время не стоит не замечать тот факт, что «Ред Сокс» на редкость удачно стартовали в регулярном чемпионате, и выиграли у Ньюйоркцев шесть матчей из семи. Что же, сегодняшняя игра обещает быть весьма интересной...

Его зрачки расширились, и руки схватились за края ванны. Синие вены набухли наступающей яростью, а может быть и страхом.

(... туда, за край, за линию, отделяющую свет от тьмы, где тебя ждут, главное не бояться, не страшиться, не переживать, потому что там...)

Он мотал головой, пытаясь сопротивляться, не желая ступить за порог, но кого интересовали его жалкие желания? Слепая жажда жизни, сосредоточие инстинктов в неказистом тельце, которому самой судьбой было уготовано раствориться, исчезнуть, покинуть этот мир, оставить только лишь напоминание, своим распухшим от воды, телом, плавающей на поверхности, гниющей, издающей отвратительный смрад, плотью.

(... покой и безмятежность, тепло и умиротворение, там вечность, приятель, и ты станешь на пороге бескрайнего, протянешь руки в сладостную тьму, перед погружением в бездну счастья...)

Я шептал, как заклинание, я уговаривал его, я хотел как лучше. Трубы, подчиняясь мне, шептали вместе со мной, их голоса сливались с моим голосом, становились все пронзительнее, требовательнее.

- ... «Янкис» заканчивают шестой иннинг со счетом восемь - ноль. Вопреки ожиданиям, у них все шансы закончить игру победителями...

Сукин сын почувствовал неладное и забился в судорогах, не желая осчастливить мир, своей смертью. Он пытался выбраться из ванной, и мне пришлось удвоить свои старания. Я уже не шептал - кричал!

(СДЕЛАЙ ЭТО - ТЫ ТРУСЛИВОЕ НИЧТОЖЕСТВО!!!)

Его попытки освободиться из-под гнета моих слов были смешны, так же как и он сам. Руки скользили по облупившейся эмали, а мы кричали ему, бились в экстазе, впадая в резонанс. Водопровод вибрировал, вода в газовой колонке вскипела, подчиняясь ритму, прекрасному ритму приближающейся смерти.

(ДАВАЙ ЖЕ, НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ТЕРЯТЬ ТЕРПЕНИЕ!)

Он мычал, словно бычок, которого ведут на бойню, шестым чувством уловивший, что дяденька, который ласково почесывает у него за ушами, сейчас поставит его в станок, и несколько минут спустя, в этом благословенном мире станет на несколько десятков фунтов говядины больше.

(Ну не бойся ты так, дурачок, тебе не будет больно, я обещаю. Всего-то делов - достаточно только протянуть руку и...)

Стич застонал. Теперь он явственно слышал, как гудят трубы, как шипит колонка.

- ...восьмой иннинг подходит к концу. Бостонцы уменьшили разрыв. Общий счет восемь семь. Болельщики безумствуют...

(Все произойдет так быстро, что ты даже и не заметишь. Просто не усеешь даже ничего почувствовать...)

Водопровод вибрировал, пытаясь выбраться из стены. Глаза хозяина округлились от ужаса, когда он увидел, как деформируются трубы, изгибаясь, покидая свое место.

(Давай закончим наше дело, как можно быстрее, не хотелось бы принуждать тебя, но парень, ты не оставляешь мне другого выхода...)

Он закричал, когда взорвалась колонка, и клубы пара вырывались со зловещим свистом из лопнувшей трубы, наполняя дом раскаленным туманом.

Он закричал громче, когда увидел, как тянутся к нему ржавые трубы, словно пытаясь задушить, обвиться вокруг шеи, взять в стальной капкан слабое человеческое тело.

(ГРЕБАНЬИ УБЛЮДОК! ДАЖЕ И НЕ ДУМАЙ, ЧТО СМОЖЕШЬ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА!!!)

Сиплый крик вырывался из глотки, последним дыханием ополоумевшего кретина.

- Пожалуйста, не надо, не надо, я не буду больше, я... никогда...

(А вот сейчас парень, ты прав как никогда - ты действительно больше не будешь...)

- ... вот на поле выходит Ривера – питчер «Янкис». Он сменяет Майка Муссину...

И когда мне надоело возиться с ним, когда мне наскучили все эти бесполезные уговоры, неуклюжие попытки оттянуть неизбежное я просто взорвался от ярости:

(ТЫ СТАРЫЙ СУКИН СЫН!!! ПРИШЛО... ВРЕМЯ... СДОХНУТЬ!!!)

Риччи пытался заслониться руками, закрыть глаза, чтобы не видеть, как в ржавые трубы изгибаются железными щупальцами, приближаясь, все ближе и ближе.

- Ривера выигрывает два очка в конце восьмого иннинга - так держать парень!!!

Он пытался закрыть уши, чтобы не слышать мой крик, не слышать, как стонут трубы, ломая железные крюки, вбитые в стены, выворачивая их вместе с кусками штукатурки, выбираясь из креплений, чтобы достать его, растерзать ненавистную плоть человека, осмелившегося нарушить зыбкое равновесие между ослизлыми буднями провинциального ничтожества и яростным кошмаром, восставших из ада демонов ржавчины и до боли горячего пара.

(А теперь ты умрешь...)

- «Бомбардиры из Бронкса» завершают матч со счетом десять - семь. Следующий матч будет сыгран здесь же на «Янкис Стэдиум», после чего «Ред Сокс» будут встречать гостей в Бостоне, на стадионе «Фэнуй-Парк». Что же, снимаем шляпу перед Марино Риверой, который принес решающие два очка команде в конце восьмого иннинга, и не дал соперникам шанса изменить счет в свою пользу, в конце девятого...

Я коснулся его своим разящим перстом, и он нелепо взмахнул руками, защищаясь от моих холодных прикосновений. Его рука задела по-прежнему оружий приемник, и последние слова комментатора, потонули в горячей воде.

Лампочка под потолком моргнула, чтобы взорваться тысячей осколков. Тело хозяина билось в ванне, словно не желая расставаться с жизнью.

Но все же он уходил, и я ощущал всей поверхностью старого водопровода, ту силу, что уходила из умирающего тела, чтобы найти место во мне, влиться в проржавевшие трубы, даря новую жизнь, фейерверк новых, острых ощущений.

А потом наступила тишина, которую нарушало лишь поскрипывание уставшего железа, да звук воды, льющейся из трещин в деформированных трубах.

И мой шепот растворился в пространстве ванной, и я окунулся в блаженную негу, засыпая, чтобы отдохнуть хорошенько после удачно завершеного дня. Еще я понял, наконец, что стало главным в моей жизни - не терпеливое гуденье водопровода, не сытое тупое бормотание, но безумный шепот, ярость убеждения, крик, зовущий за собой в темную страну кипящего сострадания.

И это стало моим предназначением. Истинным предназначением. Простой отрезок водопроводной трубы, вобравший в себя души таких же, как он, подчинивший их своей воле, познал истину, и нашел ее заслуживающей внимания.

Я засыпал, растворяясь в умиротворенном блаженстве.

Я узнал свою суть, и посмотрел на дела свои. И понял, что все хорошо...

2.

Они пришли через несколько месяцев. Все это время я находился в странном полусне. Холодная зима осталась в памяти коркой наледи. Я отрешился от всех забот, находясь в сладкой полудреме.

Их было двое - длинноногий хлыщ в потертой бейсболке, прижимающий к груди коричневую папку, и тучный мужик, с трехдневной щетиной и повадками босса, на миг осветивший комнаты дома своей лысиной.

- Какого хера здесь произошло? - тучный ткнул рукой в направлении ванной.

Длинноногий засуетился, нелепо взмахнул руками так, что выпала папка.

- Мистер Смизерс, очевидно проблемы с колонкой...

Тучный задумчиво почесал подбородок:

- Никогда не видел ничего подобного. Так значит, ублюдок завел привычку слушать радио, принимая ванну?

- В управлении сказали, что это был несчастный случай - пробормотал длинноногий, и наклонился, чтобы подобрать папку.

Смизерс хмыкнул и колупнул ногтем треснувший кафель:

- Ага, держи карман шире. Похоже, ванна оказалась слишком горячей. Не исключено, что какой-нибудь засранец помог старине Риччи отправиться прямиком на тот свет. Впрочем, туда ему и дорога. Надеюсь ему там сейчас не слишком холодно...

Тучный захохотал, придерживая живот руками. Его смех отразился от кафеля и заставил меня очнуться от грез.

- Как вы считаете, мистер Смизерс, водопровод еще можно починить?

Длинноногий провел рукой по трубам. На мгновение во мне вспыхнул и тут же погас мутный неясный образ - убогая квартира, с отстающими от сырости обоями, неопрятная обрюзгшая супруга, и однообразные монотонные будни. Полное отсутствие всяких перспектив найти достойное место в жизни...

Смизерс нахмурился, подсчитывая в уме:

- Наверно дешевле будет срезать это дерьмо, и выбросить к чертовой матери. Значит так Тони, вызывай Джо и Сэмми, пусть убирают все это ржавое старье и монтируют пластик. Через три дня все должно быть готово, у меня есть клиент на примете.

- Как скажете, мистер Смизерс - длинноногий угодливо кивнул головой, соглашаясь с хозяином...

На следующий день к дому подъехал "Форд" - старенький пикап, из которого выпрыгнули двое рабочих. Похожие друг на друга, в одинаковых клетчатых рубашках, и потертых джинсах, они принялись выгружать из кузова инструменты. Я чувствовал их, ощущал их присутствие, силы мои возросли после долгого сна. Я был почти всемогущ...

Парни вошли в дом, и некоторое время осматривали ванную.

- Эй, Сэм, ты только взгляни на это - Джо открыл рот, показывая рукой на перекрученные трубы.

Его напарник не ответил. Он воткнул удлинитель в розетку, и проверил, как работает дисковая пила. Громкий пронзительный звук заставил меня проснуться окончательно, напомнив про старые славные деньки.

- Давай работать, времени в обрез - Сэмми запустил пилу.

(Острый диск врезается в тело, вырывая кусочки души, которые улетают раскаленными искрами боли...)

Боль!!! Дикая боль! Она была во сто крат сильнее боли, испытанной ранее. Они разрезали водопровод, и каждый раз, когда очередной кусок трубы был готов упасть на пол, я вытягивал из нее все силы, все мысли и чувства, мало помалу принимая свой первоначальный облик, сокращаясь до маленького отрезка водопроводной трубы.

Когда уже пила примерялась ко мне, чтобы разрезать точно посередине, я закричал из

последних сил, пытаюсь прорваться сквозь заслон из туманных мыслей и неприятных чувств.

(Оставьте меня... Оставьте в покое!!!)

Джо замер, сжимая пилу, словно вспомнил что-то важное.

Я просил, я умолял.

- Пожалуйста, ну, пожалуйста!!!

Джо отложил пилу. Напарник тем временем разрезал отпиленные куски водопровода на равные части, так, чтобы те поместились в кузове пикапа.

- Проблемы, Джо?

Джо почесал переносицу:

- Никаких. Сэм, думаю этот кусок можно отсоединить, просто открутив гайки. Так будет быстрее...

Сэм равнодушно пожал плечами:

- Как знаешь.

Джо принес из машины инструменты и битых полчаса пытался сорвать резьбу.

Наконец ему это удалось, и я оказался у него в руках. В тот же миг, я проник в его мысли, ворвался в них свежим потоком ощущений.

(Хей, парень, сожми меня в руках. Сейчас я научу тебя, как правильно отбивать мяч. Черт подери, из тебя получится настоящий бэттер¹⁰.)

Джо сжал в руках отрезок трубы, слегка замахнулся, пробуя на вес.

(Все правильно, Джо. Я думаю питчер Сэмми, пропустит этот хит.)

Парень на цыпочках подкрался к Сэму, который продолжал разрезать трубы, сидя на корточках, спиной к Джо, в глазах которого вспыхивали и тухли огоньки, а в голове зазвучал голос Лона Симмонса:

- А теперь поприветствуем героя сегодняшней игры, Джо. В этом сезоне он показал себя опытным игроком...

(Теперь главное, чтобы твоя рука была твердой. Еще немного, и ты Джо, станешь главным бэттером "Бангор-Уэст"¹¹)

- Эй, Джо, с тобой все в порядке?

Сэм повернул голову за мгновение до того, как Джо решил замахнуться. Парень выдохнул и медленно опустил руку.

- Это... Сэм, у меня все - пробормотал он, и разжал пальцы. Отрезок трубы выпал из рук Джо, который тут же постарался забыть про голоса в голове, и нечаянную попытку выколотить мозги из головы лучшего друга, и покатился по грязному полу, прямо под ванну.

- У меня тоже почти все готово. Давай собирать это дерьмо, и грузить в машину.

Следующие полчаса они выносили из дома куски труб. Потом уехали прочь.

Я остался один в пустом холодном доме. Забытый всеми гребаный отрезок водопроводной трубы, с облупившейся краской и свежими следами от гаек на концах.

На следующий день Сэм и Джо приехали вновь. Они монтировали новый пластиковый водопровод, склеивая трубы, словно модель самолета. К вечеру все было готово, но в новом водопроводе не было души. Я знал это.

Джо открыл кран, и трубы радостно запели, пропуская сквозь себя чистую, без привкуса ржавчины, воду.

- Все в порядке, Сэмми.

Сэм довольно кивнул:

- С железяками бы провозились целую неделю. Так, а это что тут у нас?

Он наклонился, чтобы заглянуть под ванну, и, конечно же, сразу увидел меня.

- Тьфу ты черт, оставили кусок трубы.

Джо нахмурился, увидев, как пальцы Сэма сжали такой знакомый ему кусок железа. (Вот на поле выходит бэттер "Бангор-Уэст" Сэмми. На его счету пока нет ни одного хоумрана, но парень много тренировался в этом сезоне!!!)

Еще больше он нахмурился, когда увидел, как глаза Сэмми потеряли осмысленное выражение и слегка затуманились. Сэмми слегка подбросил отрезок трубы, и Джо отступил.

- Эй Сэмми, парень, это я Джо.

Сэмми приближался, и Джо снова услышал голос. На этот раз комментировал Фред Роггин, своим хорошо поставленным голосом:

- Эта игра войдет в историю. Никогда еще «Бангор-Уэст» не были так близки к победе. Все решит единственный удар Сэмми. Ну что же посмотрим, удастся ли этому начинающему игроку принести очко команде...

Джо попятился, стараясь не сводить глаз, с Сэмми. Голос Фреда то утихал, то становился громким, словно старый приемник врубили на полную, не опасаясь, что из рваных динамиков посыплется труха. Почему-то Джо показалось, что Сэмми тоже слышит старину Роггина.

- Это давнее противостояние команд «Бангор-Уэст» и «Джо Кардиналс»¹². Надеюсь, что игроки из Мэна смогут выбить всю спесь из соперников. Ведь до победы осталось всего ничего...

Фредди замолчал, словно собирая силы, давая Сэмми обдумать тактику игры. Сэм задумчиво рассматривал противника, готовясь к нападению.

(Ведь бэттер всегда играет в нападении, Сэм, и мы знаем, насколько важна эта игра, для тебя, для нас всех...)

Я шептал Сэмми о том, как он будет стоять, чуть пошатываясь от пьянящей радости, если сумеет совершить самый главный удар в своей жизни. И он слушал, как никогда.

- Не делай этого Сэм, не надо, я прошу тебя – Джо уперся спиной в холодную стену, ощутил неровные швы кафеля. Он все еще надеялся, что Сэм отложит трубу и хлопнет его по спине (дружище, да я же пошутил, только и всего!) и они потом поедут в ближайший бар, где возьмут по паре банок пива, и жизнь снова будет яркой и наполненной желанием весеннего вечера, где стоят в ряд мотоциклы местных парней, где девчонки так милы и свежи, и готовы одарить своим вниманием двух молодых, здоровых мужчин, готовых легко и безболезненно расстаться как со своими деньгами, так и с глупыми, никому не нужными, идиотскими проблемами.

Ничего этого не произошло. Сэмми и не думал выпускать битую из рук.

Болеельчики стихли, и Сэм вышел на поле, помахивая битой, готовясь принести победу команде. Он вдохнул полной грудью весенний воздух стадиона, обвел глазами болеельчиков, сидящих на своих местах, за проволочным ограждением.

Время большой игры.

Все будет хорошо, только если он сумеет переиграть питчера «Джо Кардиналс». На мгновение в глазах Сэмми все поплыло, траншея для игроков, сосредоточенные лица самих игроков, фигура базового тренера команды, и невесть откуда проступили контуры грязной ванной, в которой здоровый парень испуганно жался к стене, словно надеясь, что кафель поддастся, примет в себя его тело, чтобы избавиться от необходимости сыграть в игру, которую так любят настоящие мужчины.

Затем все встало на свои места. Сэм кивнул – просто показалось, пора играть. Джо,

*смотрел за спину Сэма, лоя глазами подсказки кэтчера*¹³.

- Ну, ну, давайте ребята, пора разбить баттери¹⁴ неудачников.

Сэм сплюнул на землю, и перехватил поудобнее биты. Джо приготовился подавать мяч...

Фреда Роггина сменил Билл King:

- Итак, «Джо Кардиналс» играют в защите, и питчер команды Джо, готов осуществить первую подачу. Как ты считаешь, Фредди, станет ли этот иннинг последним для «Джо Кардиналс»?

- Без сомнения, Билли, мне кажется сегодня у «Бангор-Уэст» есть все основания, закончить игру победителями. Думаю, старина Сэмми не подведет...

- Питчер становится в уиндап позицию¹⁵, подача!!!

Сэмми взмахнул битой, и отрезок трубы со всей силой ударил в стену, как раз над головой пригнувшегося Джо, выбивая куски кафеля.

Болельщики вскрикнули, и Сэм, от досады, прикусил губу.

- Страйк!¹⁶

(Ну же Сэмми, соберись!!!)

Джо, что есть силы, оттолкнулся от холодного, усеянного осколками кафеля, пола, и, спотыкаясь, поскуливая от страха, бросился бежать к выходу. Сэм только покачал головой, и снова взмахнул трубой.

- Еще одна подача, и...

- Опять страйк! Да что же, черт возьми, творится сегодня на поле, Фредди?

Джо запутался в ногах, и упал на деревянный пол прихожей. Сэм замахнулся, и конец трубы оставил продолговатый след в том месте, где секунду назад, была голова Джо.

- Бол!¹⁷ (На самом деле мяч попал в страйк-зону¹⁸, но Сэмми, похоже сегодня судья на твоей стороне, так что давай, Сэмми, не подведи нас сегодня, задай перцу этим олухам!)

- Судья показывает два страйка и один бол. Ну же Сэмми, покажи, на что способен, парень...

- Это последний, девятый иннинг. Напоминаю, пока ничья, и единственное очко способно принести победу «Бангор-Уэст», если, конечно Сэмми, покажет класс!!!

Билли King скорбно вздохнул:

- Хотелось бы, чтобы этот иннинг оказался последним, Фредди.

Сэму хотелось того же. Джо перекатился по полу и пополз к выходу.

(Ты что это еще удумал, Джо, сукин ты сын?)

Я кричал, умоляя неповоротливого Сэма:

- Поторопись, если этот парень доберется до дверей первым, то...

- ... Сэмми окажется в ауте, и будет выведен из игры – Фред Роггин, прокричал эти слова так, чтобы Сэм осознал, что теряет время, и каждая секунда бездействия ведет к поражению.

(Ну уж нет! Черта с два!!! Эта игра будет за нами, Сэмми, все будет хорошо, мяч уже в игре!!!)

- ... подача питчера «Джо Кардиналс», и...

Отрезок трубы врезался в затылок Джо с омерзительным чмоканьем. Кусочки мозга и черепной кости испачкали стену.

- Хоумран!¹⁹ Питчер «Кардиналс» пропускает хоумран, и «Бангор-Уэст» зарабатывает недостающее очко!!! Это чистая победа хозяев поля. Поприветствуем игрока, принесшего

победу своей команде... С вами были Билли King и Фред Роггин...

Голоса стихли, ушли, растворились в закате, и Сэмми стоял посреди прихожей, тупо рассматривая дело рук своих. В то короткое мгновение, когда железо соприкоснулось с живым телом, я испытал настоящее блаженство, несравнимое ни с чем, и именно тогда я понял, что мой путь будет труден, но преисполнен надежды и рано или поздно, я смогу сказать, что прошел его, не отклоняясь, не отрекаясь от самого себя...

Сэм выронил трубу, и теперь пытался собрать мысли, чтобы обдумать, свои дальнейшие действия. День уходил, и вместе с ним уходила всякая надежда, выбраться из того дерьма, в которое угодил незадачливый бэттер «Бангор-Уэст».

Но даже тогда, когда Сэмми осознал весь ужас содеянного, после того, как его два раза вырвало (первый раз, прямо на тело Джо), после того, как он замотал труп в полиэтиленовую пленку, оставшуюся от привезенного пластика, и трусливо озираясь, затащил в кузов пикапа, даже после этого где-то в глубине его души, яркой искоркой горела не мысль, нет, просто осознание того, что, черт подери, эта игра была действительно просто прекрасной!

До тех пор, пока солнце не зашло, Сэмми трудился в доме, вытирая кровь и мозги, приводя в порядок ванную (мистеру Смизерсу можно будет сказать, что кафель повредил Джо, когда пытался снять старый водопровод), затем он тщательно обтер ветошью отрезок трубы (чертову битую, мать ее...), и забросил в кузов, в компанию к Джо.

Он выехал со двора, заставляя старенький пикап громыхать на ухабах, после чего помчал прочь от чертового дома, в котором снес пол черепа своему лучшему другу, с которым прикончил не одну упаковку пива, и за которого был готов пойти в огонь и в воду.

Выехав за город, Сэмми остановился и забросил отрезок трубы в посадку, у дороги. Уже тогда я знал, что он собирался делать дальше.

Избавиться от трупа – сбросить его с моста в речку. Вообще-то, по первоначальному замыслу Сэмми, мне надлежало отправиться вслед за Джо, но я быстро выбросил эту дурь из его глупой башки.

Игра прошла, и нужно было идти вперед, не останавливаясь и не отвлекаясь на мелочи. Кроме того, я чувствовал, что мой путь близится к завершению.

Сэм уехал, а я остался лежать в траве, терпеливо ожидая, когда судьба вновь улыбнется мне. Больше я его не встречал.

А через два месяца я обрел нового хозяина.

3.

Парня звали Стивен. Он шел, пошатываясь вдоль дороги, ощупывая пьяным взглядом дорогу, чтобы не дай бог не зацепиться за какой-нибудь камень, или корень, торчащий из земли.

Я почувствовал его издали – вьющийся клубок мыслей, злых, несправедливых, и сразу понял, что парень этот крепкий орешек. Он подходил, на мой зов, чтобы найти в траве то, что поможет ему разобраться во всех проблемах.

Стив наклонился, ощупывая отрезок трубы, с пятнами ржавчины, там, где облезла белая масляная краска, и бог знает чего еще. Отрезок удобно соскользнул в руку, обретая с ней единое целое. Что-то больно кольнуло Стиви, глубоко, ворвалось в память, копаясь в ней жадными, ослизлыми щупальцами.

(Снимая мерку, впитывая, как губка, забираясь, все глубже и глубже, туда, где гниют застоявшиеся мысли, которые ты послал к черту, чтобы никогда больше к ним не

возвращаться)

Еще через мгновение, я уже знал кто он такой, все его мечты и желания, проблемы и комплексы, словно развернули ярко раскрашенную обертку, и на ладони остался маленький, грязный леденец, со следами зубов.

Стив покачался, и криво ухмыльнулся, пробуя трубу на вес, становясь в позицию бэттера, готового отбить так, чтобы чертов мяч унесло как можно дальше, на потеху зрителям, просовывающим пальцы сквозь проволочное ограждение.

(О, парень, тебе я вижу нравится бейсбол?)

Стиви кивнул головой. Он любил бейсбол...

Стивен стоял, сжимая биту в руке, ожидая подачи. Судья уже показал два страйка, и следующая подача была решающей.

Питчер соперников, Ринго – Стив видел его раньше, худой парнишка, с копной русых волос, торчащих, как попало, смотрел на него. В его взгляде плескалось презрение.

(Да ты просто ни на что не способен, неудачник)

Его губы шевельнулись, и Стиви услышал те несколько слов, что предназначались только ему:

- Передай привет своему папочке, недоумок...

Ринго послал крученный мяч и Стив взрезал битой воздух.

(Ты в ауте, парень!)

Стивен шел по дороге, сжимая трубу и что-то бормоча под нос. Мимо пронесся грузовик, обдав его пылью, Стив угрожающе взмахнул ему вслед. Дождавшись, пока усядется пыль, он побрел дальше.

Идти было недолго – старенький трейлер, на спущенных колесах стоял на окраине городка. В нем было тесно, постоянно гасло электричество, но черт раздери, лучшего у Стиви не было.

Возвращаясь с работы, где целый день, он возился в прачечной, налаживал старую допотопную гладильную машину, или носился как угорелый, выполняя поручения менеджера, Стивен иногда позволял себе прикончить пару банок «Будвайзера», зная, что дома ждет опостылевшая супруга (до обеда Табита торговала пончиками в магазине старины Дика), и старая печатная машинка, с помощью которой он выпускал пар, выплескивая на дешевую пожелтевшую бумагу свои страхи и сомнения. Супруга не разделяла увлечения Стиви. В последнее время она здорово увлеклась «Дурнушкой Бетти»²⁰ и чертовыми пончиками, которые поедала в невероятных количествах, сидя у телевизора.

Стиви любил свою жену.

Когда Стиви услышал в голове голос Рона Лучиано²¹, он ничуть не удивился. Голос коснулся ушей приятным баритоном:

- Все могло быть совсем не так, как есть.

(А как иначе?)

Толстая любимая супруга, которая поджидает муженька, уставившись в телевизор, поедая очередной пончик.

Чертов трейлер, со спущенными колесами, и ты знаешь (мы оба знаем, Стиви), что он уже никуда не денется из этого чертового города, вращаясь в землю, кренясь, становясь твоим постоянным убежищем, чем-то вроде семейного склепа, и не важно, что вы с супругой еще живы – вы словно два червячка ползаете внутри, не подозревая, что есть еще мир, там, за

гребаными железными стенами, за единственным треснувшим окошком, и этот мир нечто большее, чем пустырь, усеянный смятыми пивными банками, с неглубокой ямой за трейлером, чуть более четырех футов глубиной, которую ты вырыл как-то погожим осенним днем, чтобы приспособить ее под сортир (ты еще думал парень, что все это временно, и ты, и Табита, и Джо, который тихонько бился у нее под сердцем, все вы в один прекрасный день, уберетесь отсюда, как можно дальше), так вот этот мир на самом деле близко – рукой подать, вот только, поверь Стиви, этот мир не для тебя.

Это не твой мир, парень, и пока ты стоишь, упираясь одной рукой, в ненавистный трейлер, другой, сжимая отрезок трубы, чуть более двух футов длиной, найденный в траве у дороги, старина Рон расскажет тебе, что к чему...

Стиви упрямо покачал головой:

- Иди к черту, я все про тебя знаю - ты мертв, так что не пытайся меня достать...

Рон сокрушенно вздохнул.

- Да парень, все так и есть. Если хочешь, я могу взять тебя с собой не надолго, если ты только не слабоват в коленках – Ронни коротко хохотнул.

Рон подъехал к гаражу, и вышел, чтобы открыть ворота. Стиви остался сидеть на переднем сиденье черного «Кэдди», девяносто первого года (Ронни не признавал все это азиатское дерьмо, собираемое узкоглазыми коротышками), наблюдая, как дворники сгоняют капли дождя.

Рон вернулся, и, хлопнув дверьми, уселся за руль. Он повернул голову, и Стивен увидел, как в его глазницах вспыхнули красные огоньки.

(Старик Рон сейчас покажет тебе, как можно красиво завершить матч...)

Они въехали в гараж. Уже тогда Стиви почувал неладное. Рон вышел из машины, чтобы запереть гараж.

Стало темно, Рон нацупал выключатель, и над потолком вспыхнули лампы. Справа Стивен рассмотрел полки с инструментами (разный садовый инвентарь - иногда на Ронни находило вдохновение, и он мог часами возиться во дворе, подстригая газон, или ремонтируя поливочную систему), и скрученный в бухту садовый шланг, висящий на гвозде, вбитом между кирпичами.

Рон снял шланг.

(Сейчас, парень, только отрежу нужный кусок)

Стиви отстранено наблюдал, как Рон аккуратно вешает остатки шланга на место.

Один конец шланга, Лучиано нахлобучил на трубу глушителя, другой конец, он провел в салон, чуть опустив стекло.

(Ну что, Стиви, ты готов совершить последнюю поездку, без пересадок, с конечной остановкой в раю, или в аду, как повезет?)

Ронни нацупал в бардачке кассету и, не глядя, вставил ее в магнитофон.

- Не останавливай меня, сейчас... - пропел Фредди²², своим неотразимым голосом.

(Эта песня, как нельзя лучше соответствует моменту, Стив! Пусть она проводит нас в последний путь...)

Ронни улыбнулся и повернул ключ зажигания.

Гитары взвыли, и Стиви схватился руками, чувствуя, что не может дышать.

Рон Лучиано хохотал, сжимая руль, покачиваясь в такт музыке.

- Полчаса братец, и все будет в порядке...

Стивен закашлялся, выпуская дым из легких, и оттолкнулся от стенки трейлера. Ронни хрипло засмеялся.

- Вижу, тебе не понравилось, парень. Ну что же, я думаю, мы подберем тебе забаву по вкусу, не волнуйся...

Голос Рона (мой голос...) усилился, не давая отвлечься. Стивен напрягся, чувствуя, как проклятый голос подчиняет себе, высасывает волю своим бархатным тембром.

- Ты только посмотри на себя, ты жалкое ничтожество. Ты заперся в своем чертовом трейлере, и вся твоя жизнь проходит в этих ржавых стенах. Ты бегаешь срать на улицу, каждый раз вздрагивая, когда очередная машина пронесется мимо. Твой папаша вышел на улицу купить сигарет, когда тебе было всего два года, и после этого ты никогда больше его не видел. Он ушел, испарился из твоей жизни, и твоя мать работала за двоих, чтобы парнишка Стиви мог поступить в университет.

Вспомни июнь семидесятого. Ты подбрасывал вверх черную шапочку со смешной кисточкой, и жизнь казалась тебе большой асфальтированной дорогой, по которой ты будешь мчаться, не останавливаясь, чтобы сменить масло в моторе, оставляя позади долгие дни и приятные ночи, разбивая капли дождя, смывая дворниками все сомнения. Сейчас твой Бьюик остановился у обочины старым, никому не нужным трейлером, и ты видишь, что шины истерлись в лохмотья, руль прогнил, и ровный асфальт сменился ямами и рытвинами наступающей старости.

Твой старший сын, работает «сестричкой», в исправительной колонии, твоя дочь, вышла замуж за старую лесбиянку, которая на год старше тебя самого, (ты только представь - она целует обвисшие груди этой старой шлюхи), а младшего сынишку вышибли из школы после того, как он чуть не сломал твою бейсбольную битку о череп учителя теологии, и ты считаешь, что поимел эту жизнь? Вот что я тебе скажу, парень – ты полный придурок, если ты так действительно считаешь.

Рон помолчал, и продолжил:

- Есть еще кое-что. Это сводит тебя с ума, оседая слой за слоем в голове, вместо того, чтобы выплеснуться на бумагу. Хей парень, все твои страхи и ночные кошмары, твои безумные мысли и желания, они все в тебе, и ты не даешь им ни малейшего шанса выбраться из твоей башки, к сожалению. Открою тебе небольшой секрет, а впрочем, ты и сам давно догадывался об этом – есть еще миры помимо этого, и в них (о, в них!) я вижу не жалкое ничтожество, упирающееся лбом об холодную металлическую дверь трейлера, стоящего на обочине жизни, нет, я вижу кое-что другое...

Стивен сжал зубы, понимая, что голос зацепил что-то такое, что давно и подспудно сидело в нем, только ожидая своего часа, чтобы выпрыгнуть наружу, и разнести к чертовой матери всю эту противившую суету.

Рон понимающе хмыкнул:

- Сожми меня, гм, то есть я хотел сказать, сожми этот кусок трубы крепче, и я кое-что тебе покажу, посмотрим, будешь ли ты после этого таким же тихоней, как хочешь казаться.

Стивен послушно сжал трубу, и в его глазах вспыхнули тысячи солнц, а потом...

...оркестр исполнил туш, и на сцену выскочил ведущий – Ронни Лучиано, он сжимал в руке микрофон, покрытый блестками. Стивен устало откинулся в кресле, с трудом сдерживая дремоту.

Зрители одарили появившегося ведущего шквалом аплодисментов. Рон подмигнул Стиву и поднес ко рту микрофон:

- Дорогие гости, с вами по-прежнему Рон Лучиано и мы продолжаем играть в «Бинго-Бинго-Бумс». Итак, в финал выходит счастливчик Стиви. Все что потребуется от него – ответить на один простой вопрос. От него зависит сейчас, выйдет ли он из этого зала победителем, или жалким неудачником. Не будем ходить вокруг да около...

Ронни эффектно вскинул над головой руку с микрофоном, наслаждаясь овацией. Оркестр грянул вступление.

- Итак, он самый известный писатель, он зарабатывает миллионы (он очень, ну просто очень богат, баснословно богат, неприлично богат). Кто он?

(Ну-ка Стив, пораскинь мозгами, и порадууй старину Ронни...)

Зрители зашумели, словно каждый из них знал ответ на этот простой вопрос. Ронни выставил ладони, пытаясь успокоить их. Стив вжался в кресло, не представляя, о ком идет речь...

(Но это же так легко, парень, не разочаровывай нас...)

- Итак? – Рон наслаждался ситуацией – что скажет Стиви-бой?

(Он Оз Веикий и ушшасный...)

Стиви покачал головой, он не знал ответ. Ведущий вздохнул, удивляясь непонятливости Стива.

- Не торопись Стивен, у тебя еще есть время.

(Он Алый Король, запертый на вершине темной башни, стоящей на поле, в окружении цветущих роз.)

Стиви лихорадочно размышлял, пытаясь подобрать ответ. Что-то такое знакомое, вертится на кончике языка.

- Поможем Стиви? – гости в студии одобрительно зашумели. Стивен ощутил страх.

Ронни подошел ближе, так, что Стивен сумел рассмотреть свое отражение в зеркальных очках ведущего. Рон положил ему руку на плечо и силой сжал пальцы.

(Давай сукин сын, думай, и не приведи господь тебе ошибиться парень, даже и не пытайся подвести меня, подвести всех нас...)

- Что же, по нашим правилам я могу дать подсказку нашему игроку. Он играет в "Рок Боттом Ремайндере"²³, и является владельцем двух радиостанций Бангора (о, этот парень действительно обожает рок музыку и бейсбол), а еще у него высокий рост и пять машин в гараже (и одна из них красный «Кэдди», подумать только!), и к тому же он очень, очень, очень знаменит!!! Ну, так как, парень, кто он?

Зрители притихли, повинувшись жесту ведущего. Замолк оркестр, и в наступившей тишине, Стивен услышал собственное имя.

(Ты сам это сказал парень, заметь, не старина Ронни, ни зрители в зале, это сказал ты, все твои мечты и мысли, в которых ты был тем парнем, который может позволить себе шикарную виллу, и громил охранников с доберманами, у которых вырезаны голосовые связки – все, лишь бы только не нарушить твой покой, пока ты творишь себя, творишь для всех, рождая свои миры, сея страх и ужас...)

- Да, он сказал Это! – Ронни аж взвизгнул от восторга. Зрители разразились овациями, повторяя все громче и громче, скандируя, выкрикивая.

- Стиви, Стиви...

- Да, это наш Стиви – Ронни уже кричал, даже не пытаясь заглушить всеобщий восторг.

Зрители бесновались. Они кричали, свистели, подбрасывали вверх цветы.

(Наш Стиви, это наш парень!!!)

Стивен встал, оглушенный всеобщим ликованием, и что-то пробормотал под нос.
(Что ты сказал, парень?)

Стивен повторил. Зрители неохотно замолчали, пытаясь услышать его слова. Рон Лучиано отступил, по-прежнему сжимая микрофон. В его глазах зажглось понимание и сочувствие. Он криво ухмыльнулся.

- Ну-ка Стивен, скажи это так, чтобы слышали все. Нам будет интересно...

- Это не я – неохотно пробурчал Стивен.

- Что? – не расслышал ведущий.

- Это не я. Это! Не! Я! – Стивен выкрикнул эти слова, и Ронни успокаивающе похлопал его по спине.

- Мы знаем парень, мы знаем...

В тот вечер Стивен выпил четыре банки «Будвайзера», после чего вставил в печатную машинку чистый лист. Некоторое время он курил, тупо поглядывая на пустую белизну листа, потом принялся печатать, что-то бормоча под нос.

Он напечатал три страницы, остановился, чтобы отхлебнуть пива (это ты так подумал, но на самом деле, парень, вдохновение оставило тебя так же внезапно, как и пришло), и словно наткнулся на стену, где-то внутри себя. Слова разбежались предательскими буквами, прячась в голове, притворяясь глупыми, неуместными мыслями.

- Старина, ты не способен на большее... - вслух подумал Стивен, и со злостью смял ни в чем, ни повинную бумагу.

Он выбросил в корзину эти три странички (история про девочку, которая обладала паранормальными способностями, - старо как мир, особенно если ты уже прикончил четыре банки пива), и, вышел на улицу, с трудом нащупывая ступеньки.

Когда вечером пришла жена, Стиви уже спал в трейлере, отвернувшись к стене, чтобы завтра утром, ни свет, ни заря, подниматься на работу в прачечную. Табита остановилась возле Стива, заботливо поправила одеяло. Дети гуляли на улице, и нужно было готовить ужин. Она подошла к столу, на котором стояла машинка Стиви, и покачала головой. По правде, говоря, она никогда не разделяла увлечения мужа, считая это пустой тратой времени. Табита вытащила из корзины смятые страницы, разгладила, быстро пробежала глазами, затем принялась читать более подробно, не спеша, словно написанное захватило ее. Что-то было в этих смятых страницах, что-то такое, что (напугало ее!) притягивало, что-то обещающее, искра способная разгореться необъятным пламенем, а впрочем, нет, ерунда, писанина, (пустое, детка), которой самое место там, в корзине.

Табита быстро, словно испугавшись, что Стивен сейчас проснется и застанет ее за чтением своего неудавшегося произведения, сунула страницы назад, и отправилась готовить ужин. Пятнадцать минут спустя она и думать забыла про всю эту ерунду, тем более что по радио начался ежедневный выпуск новостей...

- Вот так это и происходит Стивен, все, что иногда требуется от любящей супруги – немного поддержать своего мужа. Сердце мужчины, - кто может сказать, что познал его полностью, иногда оно тверже камня, но иногда подобно воску, из которого руки жены, способны лепить удачу. Стиви, я скажу тебе прямо, не будем уподобляться тем соплякам, что воруют ключи от папашиного автомобиля, чтобы потискать подружек на кожаных сидениях, воображая себя хозяевами жизни, в которой не смыслят ни черта - мы-то с тобой уже взрослые люди и знаем чего хотим (по крайней мере, хочется в это верить, приятель), и в

состоянии понять, где дорожная разметка уходит в сторону, ко всем чертям, сворачивая на обочину. И уж тем более знаем, что если следовать этой пунктирной линии окажешься в разбитом трейлере, с одной единственной надеждой на будущее, которая, между нами говоря, не стоит ни цента.

Так вот Стиви, все, что требовалось от твоей дражайшей супруги, достать эти чертовские странички из чертовой корзины, куда ты их запулил своей же рукой. Нет, Стиви, парень, я не собираюсь винить тебя в том, что ты сделал. Мы понимаем, что ты не был ни в чем не виноват. Так сложились звезды, если ты, конечно, веришь в то, что гребаные фонарики на небе способны решать за тебя все проблемы, направляя чертов пунктир туда, куда им только заблагорассудится.

Можешь поверить мне (и это святая правда дружок), стоило бы этой сучке вытащить из корзины три странички, и обратить твое внимание на то, что написанное в них не такая уж херня, как может иногда показаться после четырех банок «Будвайзера», все пошло бы по-другому.

(Святая правда, Стиви!)

Я не знаю, почему, но в этом мире, звезды не желают освещать твой путь серебристым светом удачи, и дражайшая супруга не разделяет твоей привязанности к истертым клавишам печатной машинки (вспомни Стивен, как всю дорогу она ныла, что это напрасная потеря времени), словно нарочно сбивая с толку, стараясь запереть тебя в ржавом старом трейлере.

Пойми меня правильно, парень, вся эта ерунда, что застилает тебе глаза (ну там семья и прочее такое дерьмо) лишь обертка от конфетки, шелестящая, потерянная. Если выбросить ее ко всем чертям, вкус конфеты не станет хуже.

Я не собираюсь давить на тебя, сынок, но сдастся мне, будет лучше, если ты раскроешь свои гребаные глаза, и увидишь, наконец, что нужно кое-что исправить, внести коррективы, если ты, конечно, понимаешь, о чем я тебе толкую.

Стиви понимал. Он сжал в руках отрезок водопроводной трубы и задал единственно верный вопрос:

- Если я сделаю это, я получу все, о чем ты говорил?

- Возможно – согласился Рон – в любом случае выбор остается за тобой. Тебе решать, плыть ли по течению, покуда волны не прибьют твое распухшее от неисполненных желаний тело к илистому берегу вечных снов, либо хоть раз в жизни совершить поступок достойный настоящего мужчины.

(Давай Стив, парень, пора выбить все дерьмо из ее пустой башки, и, наконец, научиться смотреть на мир глазами взрослого мужчины, отдающего отчет в своих поступках)

Стивен качнулся в последний раз, и выпрямился, сжимая трубу. Он толкнул металлическую дверь, и слегка наклонился, проходя вовнутрь.

(Слегка проучить, указать на недочеты. Выбить все дерьмо. Расставить запятые, и восклицательные знаки. Наказать по взрослому...)

Стивен улыбнулся самой лучшей из улыбок.

- Табита, дорогая ты где?..

Вот и вся история, которую я хотел рассказать. Отрезок трубы нашел свое предназначение. Ты даже не представляешь насколько приятно нести радость и счастье другим, проходя свой путь. Теперь, я надеюсь, ты будешь смотреть на мир по-другому, вспоминая особенно счастливые минуты, те мгновения, когда ты принимал единственно правильное решение, руководствуясь своим сердцем.

Пушкой твой путь будет светлым и чистым. Пушкой преграды остаются позади маленькими камешками на дороге жизни.

И если мы встретимся с тобой когда-нибудь еще, и ты осторожно коснешься, отполированного тысячей рук металла, помни, дружок, не все так плохо как кажется иногда. А если даже и так, пока мы будем вместе, мы отобьем любую подачу, отправим мяч далеко за линию, и пушкой тебя не сбивают с толку пятна ржавчины – это всего лишь видимость, под которой скрывается холодная сущность простого отрезка водопроводной трубы...

Стиви вдохнул полной грудью и поднял голову. Ринго подбросил мяч на ладони, насмешливо рассматривая противника.

- Передай привет своему папочке.

Стивен улыбнулся ему, как старому другу:

- Обязательно передам, засранец!

Ринго нахмурился, и приготовился к подаче. Стиви крепко-крепко сжал биты, зная, что ни за что не пропустит этот удар.

Судья уже показал два страйка, и теперь только от Стиви зависел исход поединка.

В конце девятого иннинга, на бейсбольной площадке высшей школы Лисбон Фоллз Дерхема²⁴, в погожий летний денек, когда ветерок лишь слегка касается волос, паренек по имени Стивен, отбил мяч далеко за пределы поля...

1. Бангор – город в штате Мэн.
2. VZON – спортивная радиостанция Бангора, по некоторым сведениям принадлежит известному писателю Стивену Кингу.
3. «Бостон Ред Сокс», «Нью Йорк Янкис», «Окленд Атлетикс», «Миннесота Твинс» - бейсбольные команды.
4. Иннинг (inning) - часть встречи, в течение которой команды поочередно играют в защите и в нападении. Смена команд происходит после выведения в аут трех игроков нападения
5. Питчер (pitcher) – игрок в защите, бросающий мяч кэтчеру с таким расчетом чтобы бэттер не смог ударить по мячу битой.
6. Хит (hit) – удар, позволяющий бьющему занять базу.
7. Дом (home)– плоская пятиугольная пластина, к которой должен вернуться игрок, оббежав в случае удачного удара, три базы.
8. «Бомбардиры из Бронкса» - так болельщики «Янкис» иногда называют свою любимую команду.
9. Лон Симмонс, Билл Кинг, Фред Роггин – спортивные комментаторы.
10. Бэттер (batter) – игрок в нападении, отбивающий мяч битой.
11. «Бангор Уэст» - бейсбольная команда Бангора.
12. «Джо Кардиналс» – придуманная бейсбольная команда, да простят меня «Сент Луис Кардиналс».
13. Кэтчер (catcher) – игрок в защите, в задачу которого входит поймать мяч, он занимает позицию за пластиной «Дома».
14. Баттери (battery) - дуэт партнеров - питчера и кэтчера.
15. Уиндап-позиция (wind-up position) - одна из двух легальных позиций питчера при выполнении подачи.

16. Страйк (strike) – легальная подача питчера, объявляемая судьей в ряде случаев, в том числе, когда бэттер не смог отбить мяч. После трех страйков игрок выбывает в аут.

17. Бол (ball) - подача, осуществленная питчером, не попавшая в страйк-зону. Если мяч после подачи ударился о землю и, отскочив, пролетел через страйк-зону, он считается болом

18. Страйк-зона (strike zone) - пространство, расположенное непосредственно над пластиной дома, ограниченное по высоте сверху — горизонтальной линией, проходящей через подмышки бэттера, и снизу - горизонтальной линией, проходящей на уровне нижнего края колена бэттера, при условии, что бэттер находится в нормальной стойке для отбивания

19. Хоумран (home run) – удар, при котором мяч, не касаясь земли, улетает за забор. Автоматически приносит очко команде.

20. «Дурнушка Бетти» - то же самое, что и «Влюбиться в Нью-Йорке», «Не родись красивой» - бесконечные мыльные истории, в которых гадкий утенок всегда превращается в прекрасного лебедя.

21. Рон Лучиано – известный бейсбольный судья и комментатор, покончил с собой, закрывшись в гараже и заведя двигатель автомобиля.

22. Имеется в виду «Don't stop me now» – песня группы «Queen».

23. Рок Боттом Ремайндерс – любительская рок-группа, состоящая из писателей и литературных критиков. Парни играют так себе, но, по крайней мере, стараются.

24. Лисбон Фоллз - высшая школа Дерхема (Дерхем – город в штате Мэн).